

НЕЛЕГКИЙ ТРУД КАРИАТИДЫ

СТАНИСЛАВ ХАТУНЦЕВ

Историк философии. Кандидат исторических наук.

Преподаватель кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Автор работ по истории, философии и геополитике.

Работа О.Л. Фетисенко — это крупнейший, фундаментальнейший труд в области леонтьеведения за весь постсоветский период. Он имеет свою, абсолютно оригинальную тему — «Леонтьев и русский мир». Впервые в историографии освещены и исследованы подробно фигуры учеников этого мыслителя — с документальной стороны, по источникам.

Леонтьева многие традиционно считают «мыслителем-одиночкой», в сущности, никак не связанным с обществом, в котором он жил. Фетисенко показывает глубокую ошибочность этого взгляда и открывает целую «планетную систему» Леонтьева в рамках «русского космоса», культурно-интеллектуальной среды. Это одно из главных открытий обсуждаемой книги.

Немало нового вносит Фетисенко в корпус знаний о Константине Леонтьеве, в том числе чисто биографических. Она уверенно заявляет о том, что настоящим его отцом был не малопримечательный Н.Б. Леонтьев, а Василий Дмитриевич Дурново, сын обер-гофмаршала, чиновника 2-го класса Табели о рангах; говорит о «запретной любви» Константина Николаевича и его, учитывая «фактор» В.Д. Дурново, «как бы племянницы» Марии Владимировны.

Много интересных биографических данных содержится в последней главе монографии.

Сильная сторона работы — исследование терминологии и образности Леонтьева, тех понятий, которыми он пользовался, — в частности, понятия «пророчество». «Пророчество» политическое в прямом смысле этого слова, как совершенно справедливо замечает Фетисенко, есть не «одобрение» того или иного события, тенденции, а лишь сообщение о них, что необходимо учиты-

вать — особенно тем, кто видит в Леонтьеве едва ли не «духовного отца» сталинизма и всего советского строя.

Обширные примечания, которые сами по себе могут составить целую книгу, с одной стороны, разрыхляют монографию. С другой стороны, они выводят ее в безбрежные горизонты русской культуры, общественно-политической мысли и в целом жизни России с 1850-е по 1930-е годы.

Автор монографии существенно продвигается в рас-

крытии гептастилизма в узком значении этого слова — как учения о семи столпах «новой культуры». Здесь Фетисенко прибавляет к письмам Леонтьева ряд новооткрытых источников — фрагменты, наброски, записки. Важнейший и интереснейший из них — найденная Г.Б. Кремневым (в РГАДА)

**«ГЕПТАСТИЛИЗМ» ОЛЬГИ
ФЕТИСЕНКО – ВО ВСЕ НЕ
КАКАЯ-ТО ОТКРЫТАЯ ЕЮ
«ТАЙНАЯ ДОКТРИНА»
КОНСТАНТИНА
ЛЕОНТЬЕВА, СПРЯТАННАЯ
ПОДОБНО ГРААЛЮ,
А ЛИШЬ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ЕГО КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЁЗЫ**

записка Леонтьева своему ученику Я. А. Денисову, в которой прорисованы все семь позиций «эптастилизма», чего не встречается ни в одном из документов, известных современной науке.

Однако никакого «стройного учения» гептастилизма, явленного в четкой и законченной форме, сквозь призму которого Фетисенко стремится рассмотреть важнейшие процессы и явления консервативных течений в русской литературе указанного периода, на страницах книги нет, если, конечно, не называть этим именем воззрения Леонтьева — так, как мы называем ницшеанством взгляды Ф. Ницше. Думаю, последнее было бы вполне правильно. Но в этом случае гептастилизм (или «анатолизм») не следует расписывать по «задекларированным» в его названии семи пунктам.

В целом, «номинальный» гептастилизм как был провозглашенной заявкой на создание доктрины, предназначенной для сотворения новой, небывало пышной четырехосновной культуры (вспомним основные идеи Н. Я. Данилевского), так ею и остался. И это не случайно, а совершенно закономерно. Гептастилизм, если понимать под ним именно и исключительно «седмистолшие», является стройплощадкой, неким почти всегда неполным, «гуляющим» (что немаловажно) реестром государственно-культурных конструкций и помещений, которые следует возвести.

Византийская плинфа со скрепляющими растворами на стройку «анатолизма» завезена — хранится себе на складах; мозаика, настенные рисунки продумываются. Но дальше мечты-«у-

топии» дело не пошло, да и пойти не могло, поскольку законченный семиглавый комплекс «эптастилизма» стал бы отрицанием глубинных основ всей леонтьевской мысли как таковой. Он бы перечеркнул и разрушил «гипотезу триединого процесса», потому что «узкий» гептастилизм — это на самом деле о том, как немолодому уже, стареющему человеку, точнее — культурно-политическому организму (России), просуществовать новый жизненный срок, 1000–1200 лет, согласно Леонтьеву, и здесь к его оценке очень близок немецкий культурфилософ О. Шпенглер. Но такое в принципе невозможно, будь то человек, будь то государство, цивилизация, планета, звезда, галактика, а то и весь Универсум. Как бы реален в качестве идеала или некогда существовавшего биологического вида ни был «летающий крокодил» (птеродактиль), о котором рассуждал консервативный мыслитель в своих заметках, — попробуй-ка создай чудо-монстра хотя бы в современных лабораториях. А средствами, имевшимися в конце XIX века?

В том-то и штука, что русский — российский — культурно-исторический тип во времена Леонтьева уже существовал (правда, в тени типа европейского) и даже, согласно его «гипотезе триединого развития», вступил в фазу «вторичного упрощения», а мыслитель вместо него де-факто хотел создать совершенно новый культурно-исторический тип, что для отдельного человека и даже для целого сообщества людей решительно невозможно. Это была могучая грёза, мечта художника, подобного великому Леонардо — увы, неосуществимая в жизни. Здесь мы в каком-то смысле сталкиваемся с ситуацией, описанной в «Тени» гениального Евгения Шварца. Эта самая «Тень» пытается обрести субъектность и заменить собой подлинного субъекта, но замысел ее обречен и рушится в конце пьесы.

«Гептастилизм» самой исследовательницы — вовсе не какая-то открытая ею «тайная доктрина» мыслителя, спрятанная подобно Граалю, а лишь реконструкция его культурно-исторической грёзы. Такого рода реконструкции с разной степенью успеха и адекватности предпринимали многие исследователи Леонтьева, начиная со сборника, посвященного 20-летию со дня его смерти, и попытка автора книги находится в том же ряду, не сильно из него выбиваясь в плане гносеологического прорыва. Тем не менее, Фетисенко сделала хорошее и объективное обобщение, основанное на великолепном знании творческого наследия Леонтьева, на его глубокой, тщательной проработке.

Не могу не отметить главы о взаимоотношениях основного фигуранта книги с государственным контролером, знатоком восточного христианства

и собирателем русского песенного фольклора Т.И. Филипповым. И написано хорошо, с душой — впрочем, как и вся монография, и эти самые отношения исследованы превосходно.

Очень оригинальна глава о литературных знакомствах Леонтьева 1870–1880-х гг.

Полная новизна отличает главы о контактах мыслителя с публицистом и издателем Н.Н. Дурново и писателем И.Л. Леонтьевым (Щегловым). Ими никто и никогда не занимался, да и сами Дурново со Щегловым редко попадали в поле зрения исследователей и критиков. Интересно, что дневник последнего — единственный источник, указывающий на знакомство Леонтьева, которого в начале прошлого века стали называть «русским Ницше», с наследием германского философа. Это одна из ценнейших находок автора монографии.

Малоизученными оставались также связи Леонтьева с С.Ф. Шараповым, представителем «аксаковского», то есть либерального, стиля в славянофильстве. В рассматриваемой книге они получили весьма солидное, если не фундаментальное освещение. Фетисенко выходит далеко за рамки этих связей и очень основательно «прописывает» фигуру Шарапова.

Так, она ссылается на слова этого «запоздалого славянофила» о том, как он обрел личную веру в Бога. Но их можно было бы обыграть, сопоставив со свидетельствами Леонтьева о том, как сам он расставался с либерализмом в начале 1860-х и обратился к «личному» православию в Салониках в 1871 г.

Однако Фетисенко замечает и даже артикулирует сходство Шарапова с Шатовым из «Бесов». Оно заключается в преодолении нигилизма, исповедании славянофильских идей и мучительном пути «от национально-политического (славянофильского) исповедания к церковному». Кроме того, автор книги четко выделяет основной предмет несогласий между Шараповым и Леонтьевым. Это, помимо панславизма, понимание ими самодержавия и «вертикали власти».

Фетисенко тщательно выявляет персоналии учеников «оптинского отшельника» и в целом той молодежи, которая так или иначе попала в круг общения с ним.

Впервые во всей имеющейся историографии автор подробно, в деталях и в общем плане, говорит о таких последователях мыслителя, как Г.И. Замараев, Я.А. Денисов, Н.А. Уманов, Ф.П. Чуфрин, И.И. Кристи. Последний был ближайшим и любимейшим учеником Леонтьева,

«Иоанном Богословом» гептастилизма, мыслитель прочил его в свои преемники. Однако судьба «Ванечки», по словам Фетисенко, была нескладной, а потом и вовсе трагической.

По-новому смотрит Фетисенко на А.А. Александрова — редактора, преподавателя, публициста. Мнение о нем высказывается не самое лестное, но — на основании глубокой проработки источников.

Много ценных сведений сообщено и об о. Иосифе Фуделе, также не избалованном ученым вниманием.

Фетисенко создает живые, разносторонние портреты учеников Леонтьева, что, как уже говорилось, ново, интересно, оригинально. Многие из них на сегодняшний день являются самыми полными в историографии очерками-исследованиями о них.

Между прочим, из книги хорошо видно, что стратегического продолжения дела великого русского консерватора через его учеников быть не могло. Да и разработанной программы у Константина Николаевича не имелось: одни только наброски, наметки, фантазии, «общие планы». Он только пытался свести свои озарения, глубокие и острые интуиции в единое орудие, предназначенное для «нового созидания».

На мой взгляд, в монографии можно было бы сократить цитаты из источников, публиковавшихся ранее. Обилие больших кусков цитируемых документов местами делает работу похожей на хрестоматию или же компиляцию. Но несмотря на это, складывающееся порой впечатление, перед нами — классический исследовательский текст, вышедший из-под пера нерядового филолога.

Монографию Фетисенко можно рассмотреть как серию очерков, раскрывающих единую, но очень многоплановую сюжетную линию. Полностью готовой панорамы взаимоотношений Леонтьева с окружающим миром она не дает. Это в рамках одной-единственной книги попросту невозможно. По той же причине не претендует она и на всеохватность раскрытия леонтьевской темы. Ее страницы полны прекрасными замечаниями и обобщениями, а в целом картина выходит очень разносторонней. Но порой эта разносторонность оборачивается дробностью, а иногда — рыхловатостью.

Однако все это ничуть не снижает ценности той колоссальной работы, которую проделала О.Л. Фетисенко. Подобно своим «землячкам» — петербургским кариатидам, — она несет на своих плечах едва не целое здание — здание леонтьеведения.